

ТРУДНАЯ МУЗА ВАЛЕНТИНЫ АНТИПЬЕВОЙ

В начале октября прошлого года пришла печальная весть из Тюмени: на 78-м году жизни скончалась поэтесса Валентина Андреевна Антипьева. Валентина Андреевна принадлежала к тому кругу поэтов, музой которых стала эпоха. Эпоха смуты и мятежа, эпоха перемен. И потому поэзия её нелегка, строки словно выкованы из горящего железа, они, словно мятежный колокол, будят наше сознание, заставляют сопереживать и сострадать поэту, за ними – вся боль, вся тяжесть времени, когда ломались привычные устои, когда приходилось пересматривать, передумывать, переосознавать многое, что казалось незыблемым, вечным. Жизнь Валентины Антипьевой (в девичестве Колесовой) складывалась по лекалам эпохи, и жизненный путь её был похож на жизненный путь многих и многих советских людей. Родилась она в семье раскулаченных крестьян с Алтая, которые в поисках лучшей доли подались в Среднюю Азию. Затем семья вернулась на свою родину. А тут – война... Отец Валентины Андреевны сгинул где-то в фашистском плену, и можно представить себе голодное и холодное детство этой сибирской девочки, которая рано узнала лишения и труд, но это только закалило её характер. Пришла Победа, и жизнь начала налаживаться. Вернулся в 1946 году пропавший, казалось, безвозвратно, отец, Валентина закончила железнодорожную школу на станции Тягун Алтайского края и переехала в Томск. Работала на заводе, поступила в Томский университет на физический факультет и закончила его в 1964 году. Затем замужество, переезд в Тюмень, работа в Тюменском индустриальном институте, рождение дочерей... Обычная жизнь советского человека, который сделал себя сам, пользуясь теми возможностями, что дало ему Советское государство.

*Потомки скажут обо мне:
Жила в советскую эпоху,
Жила ни хорошо, ни плохо,
Жила, как, в общем, жили все...*

Конечно, жизнь была непростой, во многом трудной, но понятной и ясной. А вот в конце восьмидесятых годов наступили совсем другие времена, время словно потеряло само себя, пришла эпоха перемен, которая сломала многих, но в некоторых людях пробудила энергию сопротивления, которая вылилась в стихи. Сама Валентина Андреевна признавалась, что когда после пятидесятилетнего рубежа своей жизни она начала писать стихи, то её не воспринимали всерьёз, над ней смеялись. А она словно выливала весь нерастраченный жар души в нелёгкие, обжигающие строки, в которых жило время:

*Угорев от дымящейся стали,
Захлебнувшись в прудах новостей,
Мы от хаоса жизни устали,
От скользящих случайных властей...*

Как здесь точно подмечена вся причина бед, порождающих “хаос жизни”, – это “скользящие случайные власти”, от которых, действительно, устала страна. Это из стихотворения 1997 года. Смутная эпоха, смутное время... Но поэт не был бы поэтом, если бы не искал в своём творчестве чего-то вечного, незыблемого, прекрасного. И такие стихи есть у Валентины Андреевны, и мы с теплом в душе и с печалью об ушедшем таланте предлагаем их вниманию наших читателей. Стихи покойной поэтессы предоставлены её мужем Владимиром Наумовичем Антипьевым.

Станислав ЗОТОВ

ВАЛЕНТИНА АНТИПЬЕВА

МЯТЕЖНЫЙ КОЛОКОЛ

*В часовенку Тобольского кремля
Был заточён особенный изгнанник*.
Кнутом был бит, лишённый языка,
И без одной проушины тот странник.*

*Две тыщи вёрст из Углича в санях
Везли его не лошади, а люди, —
Похоронить ослушника в снегах:
“Пускай-ка горло холодом остудит!”*

*Таков был Колоколу судный приговор
За то, что звал народ на смуту.
По меркам нынешним то наказание — вздор.
Как может колокол вредить кому-то?*

*Казнённых — двести. Тысячи — в острог,
А Колокол, как соучастник, — в ссылку.
И чтоб звонить мятежник тот не мог,
Язык его отправили в плавилку.*

*По ком звонят в веках колокола?
Звонят они по нам, звонят по тронам.
Кому ж платить за грешные дела?
Колоколам и — на кострах — иконам.*

2000

* По преданию, мятежный колокол Углича, поднявший народ на восстание после убийства царевича Димитрия (1591), был показательно наказан: бит кнутом и отвезён в Тобольск, в “ссылку”.

* * *

*Отцы остались на Великой...
А те, кто дожил до седин,
В ту даль всё смотрят скорбным ликом,
Всё путь сверяют на свой Берлин.*

*Афганистан сынам достался,
А внукам выпала Чечня.
За что погиб? За что сражался?
Кого и чья же здесь вина...*

*Остались матери и дети,
А им — расти, чтоб снова — в бой.
А матерям успеть отпеть их
И — со святыми упокой.*

*Едва рождён — уже зачислен
В такой-то год, в такой-то ад...
Покойнику — по здоровой мысли —
Не нужно славы и наград.*

6.04.2000

* * *

*В том краю, краю далёком,
То ли белые метели,
То ли лебеди летели,
Песни пели птичьим клёком.*

*На просторе на великом
Вьюги землю сторожили,
Веретёнцами кружили,
Ворожили бабьим кликом.*

30.10.1997

* * *

*И покатился грозный двадцатый век
К своему последнему пристанищу.
И стала Земля — ристалищем
Для кованых игр на железных конях.
Застонала Земля от железных копыт,
Потемнело небо от железных птиц.
И наполнился воздух скрежетом.
Запылали дома в городах, деревнях,
И покрылась трава чёрной копотью.*

2.03.1996

* * *

*Благословляю хлеб — в чужой руке,
Благословляю рыб — в светлой реке,
Благословляю пир — в любом доме,
Благословляю жизнь — в любом году.*

*Благословляю плач, коль детский он,
Благословляю сладкий детский сон.
Благословляю молодой задорный смех.
Земных благословляю тварей всех.*

*Твоё благословляю имя, человек,
Двадцатый, уходящий в Лету век.
Благословляю всех, кто в нём рождён,
Кто победил в бою, кто побеждён,*

*И летний дождь, и всполохи зари,
И пляшущие в речке фонари.
Благословляю цвет и жест, и речь,
И Землю ту, в которую мне — лечь.*

27.06.2000

* * *

*Сухонькая, в ботиках суконных,
С сумкой в тощей маленькой руке,
Обочь толпы, у стеночки бетонной —
Бабушка, как щепка по реке,
К берегу прибитая волною,
Медленно плывёт, как по волне.*

*На лице — такая отстранённость,
Удалённость от сует толпы.
А в глазах — спокойная бездонность
Мудрой и глубокой чистоты.*

*Все дела земные отлетели
От неё в ушедшие года.
А толпа в суетной канители,
В злой гордыни удалю полна,
Обгоняя, прытко мчится к цели,
От которой бабушка... ушла.*

25.02.1993

* * *

*Апрель. Дорога по степи
Набухшим снегом раскисает.
Отец с Великой той войны
В немецких сапогах шагает.
Он долго шёл с войны домой —
Четыре с половиной года.
Катилась по щеке слезой
Его Победа и Свобода.
Я помню день тот, как сейчас.
Как бабушка моя седая
Глядит в окно: “Никак... Андрей?” —
И пошатнулась, приседая.*

11.12.1992